

Институт нравственности

П.И. ЮНАЦКЕВИЧ, В.А. ЧИГИРЕВ, С.В. ГОРЮНКОВ

**НРАВСТВЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ
И ПРОБЛЕМА СМЕНЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЫ**

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Издание третье, исправленное и дополненное,
под редакцией профессора В.А. Чигирева

Санкт-Петербург
2013

УДК 332.856:339.138(075.8)
ББК 65.422.5-2я7
Ю 49

Юнацкевич П.И., Чигирев В.А., Горюнков С.В. Нравственное возрождение России и проблема смены мировоззренческой парадигмы: Учебно-методическое пособие / Под ред. проф. В.А. Чигирева / Серия книг: Нравственный путь человечества. – СПб.: Институт нравственности, 2013. – 38 с.

Рецензент: Российский Союз творческий союз работников культуры.

П.И. Юнацкевич, руководитель Института нравственности, доктор педагогических наук

В.А. Чигирев, доктор военных наук, профессор

С.В. Горюнков, руководитель Научно-исследовательского центра "МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРФОРМАТ"

Данное методическое пособие носит учебно-познавательный характер. В нём обозначены основные виды мировоззрений, определены их исторические перспективы, показан характер их связи с человеческим «Я», рассмотрена проблема смены мировоззренческой парадигмы. Стиль изложения работы – научно-популярный.

Работа рекомендуется профессиональным и начинающим политикам, усилия которых направлены на нравственное возрождение России.

ББК 65.422.5-2я.

© С.В. Горюнков, 2007-2013
© В.А. Чигирев, 2007-2013
© П.И. Юнацкевич, 2007-2013
© Институт нравственности, 2007-2013

ISBN 5-7199-0287-2

НРАВСТВЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ И ПРОБЛЕМА СМЕНЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

1. КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ИДЕАЛОВ

Кризис, переживаемый современной Россией, не имеет себе равных за всю русскую историю. Из первого кризиса, связанного с монголо-татарским погромом, полуязыческая раздробленная Русь вышла путём своего утверждения в идее централизованной великокняжеской власти. Из второго кризиса времён Смуты начала XVII века, когда великокняжеская династия пресеклась, а вторжения поляков и шведов на Русь обрели характер инициализационной экспансии, она вышла путём общественной консолидации на религиозной основе, под руководством таких выдающихся вождей православной церкви, как патриарх Гермоген и настоятель Троице-Сергиевой лавры архимандрит Дионисий (первый побудил русское земство к созданию народного ополчения, а второй непосредственно курировал деятельность руководителей ополчения К.Минина и Д.Пожарского, восстановивших централизованную монархию). Из третьего кризиса начала XX века, обрушившего сразу и русскую религиозность, и русскую монархию, она вышла, во-первых, благодаря взятой на вооружение идее социальной справедливости, облечённой в форму теории социалистического строительства, а, во-вторых – благодаря восстановлению элементов централизованной власти.

Суть сегодняшнего кризиса – в том, что он обрушил сразу все прежние, спасавшие нас до сих пор, идеи. То есть, идеи эти вроде бы и живут, но не обладают уже той всеобщей убеждающей силой, которая только и способна подвигать людей на их практическое воплощение в жизнь. На каждую из таких идей находится сегодня целый “пакет” контр-идей, имеющих ничуть не меньше, а зачастую даже больше, сторонников, чем исходная идея. Так, идее “сильной централизованной власти” сегодня противостоят идеи “демократического разделения властей” и “невмешательства государства в экономику”, идее “религии” – идеи “деидеологизации” и “научного познания мира”, а идее “социальной справедливости” – идеи “прав и свобод личности” и “индивидуальной социальной успешности”. Самое же главное – полностью исчерпан тот кадровый резерв, который всегда поставлял нашему обществу носителей традиционных идеалов и ценностей – русское крестьянство (по данным переписей, Россия сегодня – это уже страна с преобладанием не крестьянского, как было в начале XX века, а городского населения).

Но есть и положительная сторона кризиса, – она заключается в том, что всякая тупиковая ситуация заставляет сильнее шевелить мозгами. Так уж мы устроены: пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

2. ИСТОКИ КРИЗИСА

Если нынешний кризис – это кризис доверия к традиционным идеалам, то и саму проблему кризиса нужно рассматривать с точки зрения выявления причин, подорвавших доверие к этим идеалам.

Почему, спрашивается, сто с лишним лет назад в России начал углубляться кризис доверия к идее монархической власти – кризис, воплотившийся в лозунге «Долой самодержавие»? – Ответ очевиден: убежденность в необходимости и благодати монархической власти покоилась на религиозной вере в её божественное происхождение. Рухнула вера – рухнул и мистический статус “божьего помазанника”; в самодержцве стали видеть обычного человека, присвоившего себе ничем не обоснованное право на безграничное своеволие. И “порулить” захотелось многим.

А почему возник кризис доверия к религиозной вере? – Ответ опять-таки очевиден: она утратила способность отвечать на множество новых вопросов, задаваемых обществом самой жизнью, всем ходом её поступательного развития. А те ответы, которые она по традиции продолжала давать, перестали казаться убедительными в свете набирающего силу светского, рационального знания.

Но почему возник кризис доверия к идее социальной справедливости, – ведь, казалось бы, те социалистические теории, в которых она воплотилась, были уже не религиозными, а научными? – Здесь тоже нет никакой тайны. Идея социальной справедливости только кажется рациональной; на самом деле она коренится в религиозном требовании личного самоограничения в пользу окружающих. А сознание, вступившее однажды на путь познания мира, на путь задавания миру всё новых и новых вопросов, неизбежно ставит перед собою и такой вопрос: «Почему, собственно, нужно самоограничивать себя в пользу окружающих? – И если убедительной, рационально осмысляемой мотивировки, оправдывающей идею “самоограничения”, не находится, то сознание закономерно от нее отказывается.

Сегодня факт отказа (пусть и не окончательного) от идеи “самоограничения” – налицо. А это значит, что убедительных мотивировок, оправдывающих идею “самоограничения”, рациональное, научное знание пока что не нашло. В то время как вне сферы рационального знания универсальными мотивировками для оправдания идеи “самоограничения” всегда служил комплекс идей, называемых в традиционной (религиозной) системе ценностей “нравственными устоями общества”.

Так фиксируется *первопричина* цепи кризисов (иерархии кризисов), приведших к нынешнему всеобщему кризису: она – в кризисе доверия к религиозному понятию “нравственных устоев”, а как следствие – **в кризисе самих нравственных устоев.**

3. «Я» И МОДЕЛИ МИРА

Почему общественное отношение к “нравственным устоям” подвержено колебаниям: от безоговорочного признания до столь же безоговорочного отвержения?

Определим указанное колебание как процесс, в ходе которого “Я”, не отделяющее себя от “Не Я”, превращается в “Я”, противопоставляющее себя “Не Я”. Это позволит понять сущность кризиса нравственных устоев через рассмотрение категории “Не Я”.

“Не Я” – это всё то, что противостоит “Я”; это “весь остальной мир”, а точнее – такой “весь остальной мир”, каким он представляется для “Я”. То есть, “Не Я” – это представление “Я” о мире. Представление “Я” о мире всегда исторически-обусловлено – ограничено рамками знаний, имеющихся в распоряжении “Я”. На языке современной когнитологии (науки о формах существования, изменения и передачи знания) такое представление о мире называется “картиной мира”, или – более модно – “моделью мира”.

“Модели мира” свойственно изменяться во времени. Скажем, не так давно (по историческим меркам) в обществах господствовали религиозные модели мира, а сегодня в наиболее “продвинутой” части этих обществ господствует научная (эволюционно-историческая) модель. А разница между религиозной и научной моделями та, что с каждой из них человеческое “Я” взаимодействует по-разному. Например, религиозная модель мира целиком и полностью структурирована “человеческим фактором” – мыслями, словами и поступками каждого отдельного человека. И этот “человеческий фактор” в ней *взвешивается* – оценивается с точки зрения *качества* его взаимодействия с другими “человеческими факторами”. То есть, человеческое “Я” в религиозной модели мира – нечто абсолютно неустранимое из модели, то, без чего она невозможна в принципе.

В научной же модели мира человек – исчезающе-малая подробность, которой допустимо пренебречь; тут имеют значение лишь глобальные “закономерности развития”. Поэтому уже с самого начального момента зарождения научной модели мира человеческое “Я” вычленяется из неё как нечто чуждое, внеположное миру – как “субъект”, противостоящий “объекту”. То есть, в научной системе представлений человек начинает рассматриваться как господствующий над Природой “индивид”, связанный с другими “индивидами” только лишь отношениями “конкуренции”.

Но это значит, что нравственность – вовсе не самодостаточная идеологическая сущность, которую можно искусственно “вмонтировать” в *любое* общественное сознание (наподобие того, как в компьютер вставляется носитель программы), а производное от миропонимания, дающего положительный ответ на вопрос: нужно ли быть нравственным? (Нужно ли заниматься самоограничением? Нужно ли думать не только о себе, но и о других?).

Религиозное миропонимание даёт на этот вопрос положительный ответ. То есть, религиозный человек **понимает**, почему он должен быть нравственным: он должен быть нравственным потому, что мир, в котором он живёт, устроен по принципу “действие-противодействие”, где *за всё совершаемое в жизни надо платить* (конкретные формы расплаты зависят от той конкретной системы религиозных взглядов, которых он придерживается). И не имеет, по большому счёту, значения, испытывает ли он при этом животный

страх перед наказанием или высокодуховный страх “потерять свою бессмертную душу”. Главное здесь – то, что, в соответствии с исповедуемыми принципами религиозного мироустройства, *за каждую мысль, слово или действие приходится рано или поздно отвечать.*

В научной же трактовке “устройства мира” для нравственности (как смыслообразующего элемента его структуры) попросту нет места. Как нет места и вообще какому-то особому “духовному миру” со всей его метафизикой. В научной трактовке мироустройства есть место лишь неуничтожимому движению материи, непрерывному процессу возникновения нового и разрушения старого, бесконечному восхождению от низшего к высшему. Поэтому человек, сознательно и последовательно придерживающийся научного взгляда на мир, **понимает**, что миром правят не идеалы, а интересы, и что мысли, слова и поступки – это бесследно растворяющиеся в материальной круговерти *флуктуации*. Он **понимает**, что за всё совершаемое в этой жизни платит не “согрешивший перед высшим законом бытия” (как и чем можно заплатить хаосу “вечного движения материи”?), а “проигравший в борьбе за место под солнцем”. Религиозные идеалы для такого человека – “пережитки прошлого”, а их диктат – посягательство на “права и свободы личности”. Естественно, что – в полном соответствии с **таким** миропониманием – в его сознании формируется (пусть не сразу, а через борьбу с “пережитками прошлого” и прочими “суевериями”) адекватный безрелигиозному мировоззрению образ мышления и поведения. В начальном, более или менее пристойном виде, этот образ мышления и поведения определяется как становление “личностного начала” и “атеистического свободомыслия”, а в законченном и предельно циничном виде – манифестируется в формулах типа «Живём один раз»; «Бери от жизни всё»; «Кто не успел, тот опоздал».

Разумеется, в реальной жизни имеют место, по большей части, не идеальные, “чистые” модели мира, а их смешанные, переходные, эклектичные формы, зачастую сильно “растянутые” в историческом времени. В таких смешанных формах прежние идеалы могут нередко сосуществовать с новыми взглядами на мир на протяжении нескольких поколений (до тех пор, пока сама жизнь не поставит рефлексирующее “Я” перед жёстким выбором между идеалами и интересами). Поэтому зависимость нравственности от мировоззрения в таких смешанных формах осознаётся обычно с большим трудом.

Тем не менее, классификация моделей мира по критерию способов их взаимодействия с “Я” даёт хотя бы приблизительное понимание того, в чём заключается **причина сегодняшнего кризиса нравственных устоев**: она – **в исторической перемене взглядов на основополагающие принципы мироустройства**, в переходе с одной мировоззренческой парадигмы (системы господствующих представлений о принципах понимания и объяснения мира) на другую.

4. «ЗАПОВЕДНИК» ДЛЯ ДУХА

На первый взгляд, из всего сказанного следует, что мы стоим перед выбором: или религия, а с ней нравственность, или же наука, а с ней – “личностное начало” и “атеистическое свободомыслие”, постепенно вырождающиеся в “эгоистический индивидуализм” и “нравственную отморозенность”.

Но это – лишь на первый взгляд. На самом деле ситуация намного сложнее.

Когда мы слышим, что кризис нравственности является следствием перестройки сознания с религиозного миропонимания на безрелигиозное, то нужно понимать: данное утверждение содержательно лишь в той мере, в какой содержательны понятия “веры” и “знания”. А содержательность последних весьма условна. Известно, например, что на церковном языке “вера” – это и есть истинное “знание”, в то время как многие предпосылочные постулаты современной науки относятся, по мнению ряда самих учёных, к области “веры”. То есть, и “вера”, и “знание” – это многозначные понятия, смысл которых далеко не исчерпывается связываемыми с ними манипулятивными штампами: “мракобесная”, “нерассуждающая” и т.д. – применительно к “вере”; “объективное”, “свободное” и т.д. – применительно к “знанию”.

Сказанное легко пояснить на примере с христианской церковью, в истории которой реальные взаимоотношения между “верой” и “знанием” весьма далеки от их хрестоматийных, традиционно-упрощенческих интерпретаций.

Как известно, главной своей задачей церковь считает *спасение души* каждого отдельного человека, т.е. – обретение им внутреннего состояния высокой нравственности. И достаточно долго с этой своей задачей церковь успешно справлялась, потому что в сфере её компетенции находились не только вопросы нравственности, но и более фундаментальные по отношению к ним вопросы мироустройства. Речь идёт о том, что санкционированная средневековой церковью картина мира (земное бытие человека – для осознанного выбора между “добром” и “злом”; рай – для выбравших “добро”; ад – для выбравших “зло”) вполне убедительно и наглядно разъясняла даже необразованному человеку, почему он должен соблюдать законы нравственного поведения. Одновременно средневековая церковь удовлетворяла запросам и высокообразованных людей. Это удавалось ей потому, что христианское мировоззрение того времени вовсе не исчерпывалось догматикой; оно представляло собой синтез собственно-христианских идей с предыдущим, необычайно высоким античным знанием, главным образом с платонизмом и неоплатонизмом. Конкретно же синтез выражался в свойственной платонизму символической интерпретации богословской догматики, – благодаря чему и само христианство того времени выглядело воплощением не “мёртвой буквы” Писания, а его “животворящего Духа”, способного гибко реагировать на вызовы времени. **Такое** христианство, питавшее собой установку на “познание Бога через познание его творений”, несло в себе не только религиозную, но и всеохватно-культурную функцию. И пока христианское мировоззрение несло в себе эту синтетическую всеохватность, совмещающую вопросы мироустройства с вопросами нравственности, моральный авторитет церкви и её влияние на общественное сознание находились на относительной высоте.

Но в позднем средневековье христианское мировоззрение стало утрачивать свой прежний характер “всеохватной полноты”: универсальная “культура” разделилась на религиозную “веру” и светское “знание”, где “вера” стала отвечать за *спасение души*, т.е. за нравственность, а “знание” – за всё остальное (начало этого разделения можно, с некоторой долей приблизительности, датировать Константинопольскими соборами XIV в., предавшими анафеме платонизм с его символическим мировидением). С этого момента христианское миропонимание (и западное, и восточное), ограничив себя установкой на “принципиальную непознаваемость Бога и суетность познания Его творений”, начинает постепенно превращаться из *всеохватной культуры* в *субкультуру* общества – в противопоставляемое знаниям “веру”.

Естественно, что **такое** христианство неотвратимо теряет своё общественное значение, потому что из сферы его компетенции последовательно изымаются смысловые поля, переставшие быть важными для религии, но приобретшие повышенную важность для культуры. Например: с расширением знаний о форме Земли, о положении Земли относительно Солнца и о положении Солнца относительно звёзд вопросы устройства мироздания, находившиеся до поры до времени в сфере компетенции церкви, стали переходить в сферу компетенции науки. Или: известно, что вся современная наука о структуре знания выросла из богословского “тринитаризма” – учения о троичной сущности Божества; в самом же богословии это направление мысли угасло вместе с традицией символической интерпретации тринитаризма. И т. д.

Но ситуация, где в вопросах мироустройства более авторитетным оказалось светское знание, не могла не сказаться самым катастрофическим образом на престиже церкви как блюстительницы нравственности – ведь нравственность, как уже было сказано, это не самодостаточная идеологическая сущность, которую можно искусственно “вмонтировать” в общественное сознание, а производное от мировоззрения, несущего в самом себе ответ на вопрос: «Почему я должен быть “хорошим по отношению к другим”, т.е. нравственным?» Современная же церковь – если заставить её ответить на этот вопрос – способна предложить вопрошающему либо веру в устаревшую, давно не убеждающую картину мира, либо бессильную увещательную проповедь (вроде той, что с детства знакома нам по басне И.А.Крылова «Кот и повар»).

Как следствие, церковь сегодня является институтом, выполняющим главным образом функцию *сохранения* духовно-нравственной традиции – чрезвычайно важную функцию, потому что неуважение собственного прошлого есть признак **говорящего скота**. Но уже само ограничение церковной деятельности функцией *сохранения* низводит церковь с уровня “духовно-нравственного водительства” на уровень “заповедника нравственных ценностей”. *А жить* в заповеднике нельзя, – его можно только *беречь*.

В этом и заключается трагедия современной церкви.

5. ПРАВСТВЕННОСТЬ ПО-СОВЕТСКИ

Тем не менее, даже внецерковная форма русской религиозности, воплощённая в идее “социальной справедливости”, сумела наложить свою неизгладимую печать на всю российскую действительность большей части XX века. На ту действительность, которая называется “советским периодом русской истории”.

Можно сколько угодно рассуждать на темы “внешнего финансового обеспечения октябрьской революции”, или “преступно-репрессивного сталинского режима”, или “принципиальной экономической несостоятельности социалистического пути”, – но никуда не деться от того факта, что идея социальной справедливости, под знаменем которой большевиками осуществлялась программа социального переустройства российского общества, полностью соответствовала глубинному нравственному чувству народа. А ведь это означает, что у коммунистических идеологов начального периода советского строительства имелся вполне реальный кредит народного доверия. Именно этим моральным кредитом доверия подпитывались и “корчагинский” психотип, и самоотверженный героизм Великой Отечественной войны, и романтика ударных строек.

Пока малограмотный народ напрягался на стройках и гиб на войне, идеологам верили на слово. Но вот настали более спокойные и сытые времена, подросло новое, более образованное поколение, умеющее задавать каверзные вопросы. Оно уже понимало, что в своих реально складывающихся формах коммунистический проект определяется не столько декларируемым нравственным идеалом социальной справедливости, сколько лежащим в основе проекта его теоретическим обоснованием – материалистическим мировоззрением. Естественно, что для этого поколения во всей остроте встал вопрос о *соответствии идеала мировоззрению*. Тут уж идеологам пришлось вертеться: изобретать, с одной стороны, “марксистско-ленинскую этику как науку”, а с другой – обуздывать крепнувший молодёжный цинизм с помощью ещё одного наспех сляпанного рычага управления – “морального кодекса строителя коммунизма”. Но, как известно, ни одна из этих мер себя не оправдала. Заказное словоблудие советских философов уже откровенно раздражало, а построенный на плагиате из официально отвергаемых библейских текстов “кодекс” лишь усиливал общественный нигилизм.

Этот-то нигилизм и подкосил в конечном счёте коммунистическую власть.

6. УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЁ РАЗ УЧИТЬСЯ

Нравственный кризис, который последовал за сменой политического режима, не был непосредственным продуктом самой смены, а лишь обнажил то, что давно копилось в обществе. Обнажил потому, что приоритет “интересов” над “идеалами”, тот самый приоритет, что **скрыто** подготовил крах советского проекта, со сменой режима **открыто** возобладал над массовым сознанием, – он стал, можно сказать, *знаменем* нового, “демократического” настроения общества. А, как следствие, и само строительство “светлого демократического будущего” пошло по печально известному сценарию: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Уместно задать вопрос: почему ничтожные по нынешним меркам привилегии коммунистических руководителей страны вызвали в народе настоящее озлобление против них, приведшее в конечном счёте к отстранению их от управления, а пришедшая в 90-х гг. на смену коммунистам власть, несмотря на свой оголтелый криминально-олигархический характер, аналогичной реакции в народе не вызвала?

Рискнём дать своё объяснение: народное озлобление вызвали вовсе не привилегии сами по себе, а лишь тот факт, что ими пользовались люди, претендовавшие – безо всяких на то оснований – на роль *носителей идеологии нравственности*. Новая же власть в той её форме, в какой она сложилась к началу 90-х годов, на роль идеолога нравственности никогда не претендовала, и никто от неё этого не ждал. И сейчас не ждёт. Все отдают себе отчёт в происходящем, все смотрят по телевизору одни и те же *бандитские* сериалы, и у всех на слуху прозвучавшая в одном из таких сериалов “политтехнологическая” формула: «У молодёжи должны быть идеалы, а у стариков – бабки».

Но тем легче тогда представить, что получится, если нынешняя власть, не удовлетворяющая сегодня по-настоящему никого, начнёт ещё и “учить нравственности”. Независимо от того, чего окажется больше в ответной реакции граждан – лицемерия или агрессии, мало не покажется никому. Потому что лицемерная нравственность, т.е. нравственность для других, а не для себя – это гораздо более эффективное (в силу его скрытости) орудие разрушения духовного здоровья общества, чем даже откровенная в своей агрессивности безнравственность.

Так что же? Мы в тупике? И абсолютно ничего, способного повысить нравственный уровень общества, сегодня предпринять невозможно?

Нет. Обрисованная ситуация означает лишь, что меры по повышению общественной нравственности должны учитывать исторический опыт, полученный Россией в XX веке. И прежде всего – опыт мировоззренческий. Как завещал Владимир Ильич Ленин (и мы с ним полностью **в этом** согласны), нужно «учиться, учиться и ещё раз учиться».

7. ВСЯ ЛИ НАУКА – НАУЧНА?

Одним из интереснейших объектов учёбы мог бы послужить сам предмет науки.

Почему наука не переняла у церкви эстафету “духовно-нравственного водительства”? Потому, что “научное знание” и “нравственность” – несовместимы в принципе? Или потому, что далеко не всё содержание сегодняшней науки отвечает критерию “научности”?

Очень многое говорит в пользу именно второй точки зрения, – поскольку то, что сегодня называется “наукой”, содержит в себе два принципиально разных по происхождению и функциям пласта знаний. Первый пласт представлен целостным взглядом на мир (“моделью мира”), второй – отдельными узкоспециализированными частями целого (“чистой эмпирикой”).

Наиболее ярко и доходчиво различие между двумя пластами знаний объяснил В.И.Вернадский. В частности, об истоках научных взглядов на мир как на целое он писал, что они вошли в науку «не из наблюдений фактов, а из готовых, чуждых науке, представлений религиозных и философских, что мы можем научно точно доказать, исходя из истории научной мысли». А вот его мысли о “чистой эмпирике”: «Правильным является... стремление, всё более и более преобладающее в научных исканиях... подходить к изучению её (жизни – *авт.*) явлений чисто эмпирически, считаться с невозможностью дать ей “объяснение”, т.е. дать ей место в нашем абстрактном космосе, научно построенном из моделей-гипотез».

Критерием истинности эмпирически-полученных научных данных В.И.Вернадский считал как раз их необычность, их несовместимость с традиционными философскими представлениями: «...эмпирическое обобщение опирается на факты, индуктивным путём собранные, не выходя за их пределы и не заботясь о согласии или несогласии полученного вывода с другими существующими представлениями о природе. В этом отношении эмпирические обобщения не отличаются от научно-установленных фактов: их совпадение с нашими научными представлениями о природе нас не интересует, их противоречие с ними составляет научное открытие». То есть, по В.И.Вернадскому, рождаемая в практическом опыте “чистая эмпирика” никак не связана оглядками на авторитет предыдущего или господствующего миропонимания, – для неё наивысшим авторитетом является только лишь оправданность практическим опытом.

Что же касается научных представлений о мире как о целом, то они имеют своим источником не практический опыт (который слишком ограничен, чтобы охватывать собою всё сущее), а разного рода донаучные, религиозные и философские построения. И если эти построения со временем всё же меняются в сторону “научности”, то лишь потому, что к этому их вынуждает “чистая эмпирика” – накапливаемые частные результаты практического опыта, вступающие в противоречие с господствующим на данный момент представлением о мире (с моделью мира). Например: наблюдения над ходом небесных светил привели со временем к отказу от геоцентрической (птолемеевской) системы в пользу гелиоцентрической (копернико-ньютоновской); эпоха Великих географических открытий положила начало пересмотру взглядов на форму земли; палеонтологические открытия XVIII-XIX вв. заставили отказаться от идеи постоянства биологических видов в пользу идеи их исторической изменчивости, и так далее.

Иными словами: оба пласта знаний необходимы друг другу, потому что именно их взаимодействием и стимулируется прогресс в области научного знания. Но это ещё не значит, что оба пласта – научные.

8. «КАПКАН» ДЛЯ ДУХА

Возникает любопытная ситуация. С одной стороны, мы видим, что церковь как носитель духовно-нравственных ценностей сохраняла свой безусловный авторитет лишь до тех пор, пока её взгляд на мир обеспечивал доступную на тот момент **полноту** представлений о нём, т.е. пока религиозная “модель мира” была построена на синтетическом взаимодействии “веры” и “знания” (см. гл. 4). Как только она перестала нести свою всеохватно-культурную функцию, совмещавшую вопросы мироустройства с вопросами нравственности, как только она оказалась “субкультурой” общества, *урезанной* до одной лишь “веры”, – её авторитет “духовно-нравственного водителя” стал резко падать (что и было подмечено во второй половине XIX века Ф.М.Достоевским, произнесшим знаменательную фразу: «Церковь наша в параличе»).

С другой стороны, мы видим, что и наука с самых первых шагов своего существования тоже оказалась неспособной взять на себя функцию “духовно-нравственного водительства”. И, похоже, именно потому, что научные представления о “мире как целом” тоже изначально не обладают необходимой **полнотой** синтетического взаимодействия “знания” с “верой”. То есть, они тоже не способны выполнять всеохватно-культурную функцию, совмещающую вопросы мироустройства с вопросами нравственности, они тоже являются элементом “субкультуры” общества.

Объяснимся подробнее. Научные представления о “мире как целом” родились в процессе острой полемики с религиозным мировоззрением, в стремлении освободить научную мысль от церковной опеки. Поэтому в науке с самых первых шагов её исторического существования главной мишенью критики стал “креационизм” – идея сотворения мира Богом. Отбросив эту “метафизическую” идею, как и само понятие “Бога”, наука тем самым ограничила сферу своей компетенции чувственно воспринимаемыми предметами и явлениями, доступными наблюдению, описанию и измерению. И получила в результате “куски эмпирического знания”: физику, химию, биологию и др. Целостный же взгляд на мир хотя и остался “без Бога”, но не стал от этого более научным, потому что вместе с понятием “Бога” из сферы научного кругозора исчезли такие важнейшие стороны научного миропонимания, как идеи “порядка”, “организации”, “инвариантности”, “целесообразности”, “целенаправленности” и т.д. (все эти идеи стали считаться “идеалистической поповщиной”, а впоследствии хотя и были частично реабилитированы, но стали трактоваться узко-специально, применительно к тем или иным конкретным научным дисциплинам).

В результате научные представления о “мире как целом” остались на уровне всё той же религиозной, но уже неполной (*урезанной*) модели мира. И ситуацию не спасла даже теория эволюции, в которой одномоментный креационистский акт оказался всего лишь заменённым на растянутый во времени процесс: создавая новые виды, “Творец”, отождествлённый с “Природой”, делал это теперь уже не торопясь, без революций, однообразно и незаметно – как бы *эволюционно*.

Окончательную же точку во взгляде на эволюционно-историческую модель мира как на полурелигиозный-полуфилософский фольклор поставил В.И.Вернадский. Он первым осознал, что все научные теории о происхождении Вселенной, Земли, Жизни и Разума имеют своей подлинной предпосылкой не

объективную логику независимой научной мысли, а мифо-религиозную идею “Начала Мира”, исторически унаследованную позднейшей философией и наукой. «Это тесно связано с еврейско-христианско-мусульманскими представлениями о мире и божестве и... с ними связанной... европейской (средиземноморской) философией... В европейско-американскую науку это было внесено... Иммануилом Кантом (1724-1804) в введённом им понятии естественного тела или естественного процесса в конце XVIII или начале XIX веков. И мы сейчас видим, что учёные, связанные с другим настроением мысли, связанные с Индией и отчасти Дальним Востоком, не видят никакой логической обязательности считать неизбежным при изучении научных явлений существование начала Мира, начала Вселенной, начала Жизни и т.п., так же как и их конца. Этот факт коренного различия в настроении научной мысли... ясно доказывает, что то, что кажется западноевропейским учёным логически неизбежным, – есть иллюзия и не вытекает из научных фактов, вывод, принесённый в нашу жизнь социальной обстановкой» (В.И.Вернадский).

Не удивительно, что не “доросшая” до уровня синтетического взаимодействия “знания” с “верой”, а только лишь внешне “онаученная” современная модель мира до сих пор так и не сумела дать ответ на “метафизический” вопрос: почему человек должен быть хорошим по отношению к другим, т.е. нравственным? А в той мере, в какой эволюционно-историческая модель *монополюсно* определяет понимание современным человеком его места в мире, она даже препятствует поиску ответа на этот вопрос. То есть, чем незыблее её научный статус, тем явственней обозначается её **функция “капкана для духа”**.

И это не может не тревожить, потому что такое положение вещей слишком уж идеально укладывается в некоторые полусформулированные положения современной теории управления-манипулирования, согласно которым абсолютная власть над обществом могла бы быть обеспечена выстраиванием в сознании управляемых некой упрощённой модели “иллюзорной” реальности, позволяющей заранее просчитывать любые поведенческие реакции управляемых.

Насколько основателен и актуален такой ход мыслей, свидетельствует богатейший материал текущей общественной жизни. Мы видим, например, как замыкание философско-идеологических моделей развития на материализм оборачивается формированием специфического общественного менталитета, ориентированного на утилитарное и сиюминутное в ущерб высокому и вечному. Мы видим, как идея “прогресса” легализует в массовом сознании представление о естественности и неизбежности *революционной* замены “старого” (пусть даже и очень хорошего) “новым”. Мы видим, как возвращаемый на почве идеи “прогресса” односторонний тип мышления создаёт идеальные условия для превращения нормальных людей в “объекты отработки *условных рефлексов на слова*”. Мы видим, как, в силу изначально-упрощённой “объяснённости” умозрительно-философских моделей развития, сужается кругозор их носителей: как, с одной стороны, «человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым» (К.Маркс), а с другой – как оно вступает в фазу “конца истории” (Ф.Фукуяма). А в итоге: «Есть только миг между прошлым и будущим» – «за него и держись» (музыкальный агитпроп). Но оказывается, что и в этом “миге” держаться не за что и незачем, потому что понять что-либо в нём, с точки зрения его умозрительно-философских обоснований, нельзя в принципе; именно в этом стремятся уверить нас и “критический рационализм”

К.Поппера, и “методологический анархизм” П.Фейерабенда, и новейший идеал “научного консенсуса” современных “плюралистов”. Наконец, мы видим, как производные от умозрительно-философских моделей развития идеи “самоорганизации” (и в первую очередь идея “рыночной самоорганизации”, которая якобы и без участия государства отлично всё отрегулирует) выводят из поля зрения управляемых **саму настоящую, реальную власть “руководящего произвола”**, делают эту власть анонимной, невидимой и неуловимой, а в конечном счёте как бы и вовсе не существующей.

Короче говоря, мы видим, как разрушаются основы полнокровной, духовно-независимой общественной жизни и как отсекаются пути возвращения в неё, потому что само общественное сознание “захлопывается” в “капкане иллюзорной реальности”.

9. МЕЖДУ «КАПКАНОМ» И «ЗАПОВЕДНИКОМ»

Сегодняшняя система представлений о мире поделила свои объяснительные возможности между “капканом для духа” (знанием без веры) и “заповедником для духа” (верой без знания), где обе эти, противостоящие друг другу, формы восприятия мира считают себя независимыми и самодостаточными, но где на самом деле *с точки зрения обеспечения нравственности ни одна из них не является работающей*. Причём интересно, что сколько-нибудь внятных оснований для противопоставления друг другу “веры” и “знания” не найдено до сих пор (да и в принципе не может быть найдено, поскольку оба понятия имеют одну и ту же, малоизученную в структурном отношении, информационно-эмоциональную природу).

Но слишком уж велика оказывается *руководящая* заинтересованность в сохранении и укреплении такого противопоставления, чтобы так просто отказаться от него: слишком большое количество небескорыстных интересов вовлечено сегодня в практическую эксплуатацию “конфликта между верой и знанием”. Для нужд контроля, например, слишком соблазнительна “вера без знания”, превращающая людей в бездумно-послушную толпу конформистов, а для нужд конкуренции – “знание без веры”, превращающее их в энергично-бессовестную “элику профессионалов”.

И уж подавно соблазнительна, с точки зрения повседневного обывательского *умения жить*, свобода выбора между “верой без знания”, освящающей моральное право на невежество, и “знанием без веры”, обосновывающим моральное право на бессовестность и безнравственность.

Как это замечательно и удобно с точки зрения *глобального управления!* Для одних доверчивых искателей истины – “капкан”, для других – “заповедник”, для третьих – “свобода выбора” между ними! А “теневые” хитрованы и там, и там, и там – в роли **наставников** (“проповедников”, “мессий”, “гуру”, “академиков”, “экспертов” и прочих “руководителей”).

10. В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Есть ли выход из этой **межеумочной** ситуации – из интеллектуальной ловушки между “капканом” для духа и “заповедником” для духа?

Выход обычно находится **там же, где и вход**. И мы найдём его, если зададимся предварительным вопросом: почему эволюционно-историческая идея, в обличье дарвиновской теории, возымела в своё время такое беспримерное влияние на умы, несмотря на свои более чем сомнительные теоретические основания? Ведь в самом деле: сформулированный Ч.Дарвиным принцип поступательного увеличения видового разнообразия методом дивергентного расхождения видообразующих признаков – это чисто механистический принцип развития от “низшего к высшему”, методологическая несостоятельность которого прекрасно осознавалась и самим Ч.Дарвиным («Знаю, – писал он, – что едва ли возможно определить ясно, что разумеется под более высокой или более низкой организацией»; «Это область очень запутанного вопроса»). Да и наиболее проницательные современники Ч.Дарвина сразу поняли, что «дарвинизм не только и не столько биологическое, сколько философское учение, купол на здании механистического материализма» (Н.Я.Данилевский), т.е. – **умозрительная конструкция**.

Тем не менее именно эта **умозрительная конструкция** и легла в основу всех дальнейших “осоциальных” модификаций эволюционизма. А научная эклектика, порождённая смешением умозрительной конструкции с эмпирическими фактами, на протяжении более чем столетия покрывалась дымовой завесой “диалектических противоречий”.

А ведь были в после-дарвиновской науке общебиологические теории (например, номогенетические), удовлетворявшие критерию научности намного больше, чем дарвиновская теория. Однако их влияние на общественное сознание оказалось абсолютно несоизмеримо с влиянием на него теории естественного отбора. Почему? Несомненно, по той лишь единственной причине, что *дарвиновская теория впервые в истории науки создала иллюзию законченного, самодостаточного, целиком и полностью объяснённого научного взгляда на мир*. То есть, она, в отличие от “телеологических” и “виталистических” концепций биологической эволюции, завершила собой очень давнюю в истории развития науки тенденцию высвобождения человеческой мысли из ограничительных рамок, налагавшихся на неё “метафизикой”.

Потому-то она и послужила “естественнонаучной основой” для материализма как “научно-исторического” мировоззрения. Возникнув не как научное обобщение неких неопровержимых эмпирических фактов, а как умозрительная философская конструкция, она полностью удовлетворила некоторым тенденциозным умонастроениям и запросам своего времени – тем умонастроениям и запросам, выразителем которых объявил себя исторический материализм. А что это были за умонастроения и запросы, показал сам оглушительный успех учения “исторического материализма”, узаконившего именем науки все те формы “прогрессивного” человеческого поведения, которые уже не считали себя связанными оглядкой на совесть, на нравственность, на справедливость и вообще на “идеалы”, – для них достаточно стало опоры на безрелигиозное знание, на формальное право, на “революционную целесообразность” и вообще на “интересы”.

Конкретно это выразил так называемый “основной вопрос философии” (об отношении сознания к бытию), который раз и навсегда отказал *сфере духа (включающей в себя идеалы совести, справедливости и нравственности)* в праве считаться смыслообразующим стержнем жизни; он определил её как исторически **преходящую**, обусловленную экономическими, классовыми и другими формами общественных отношений **систему ценностей**, т.е. – как *необязательное, вторичное, относительное явление*.

В этом смысле не будет преувеличением сказать, что **исторический материализм – это учение, впервые в истории человеческой мысли наукоподобно обосновавшее право человека и общества на безнравственность**.

Осознание этой “чистой эмпирики” и должно послужить искомым выходом из ловушки между “капканом” для духа и “заповедником” для духа. То есть, нужно сделать уже не просто теоретические, но непосредственно практические выводы из *эмпирического обобщения*, согласно которому «**материализм – это философское учение, которое было живым в конце XVII – середине XIX века и которое в тех проявлениях, в каких оно выражается в современной науке, является историческим пережитком**» (Вернадский, выделено нами).

Мы должны понять, что враждующие друг с другом крайности полужизни (или “идеализм”, или “материализм”; или “вера”, или “наука”, или “идеалы”, или “интересы” и т.п.) – это казуистическая ловушка (“или-или”), в которой истощается духовно-нравственная энергия Человека, гасится его воля к социальному творчеству и формируются модели антиобщественного поведения (будь-то “бессильное бегство от мира” или творимый в нём насильственный произвол).

Если поймём это, то сумеем выбраться из “капкана”. Но если выберемся из “капкана”, то совершенно по-новому оценим и значение хранящегося в “заповеднике” наследия. А, значит, обретём иммунитет и к манипулятивным технологиям, основанным на принципе “разделяй и властвуй”.

11. К НОВОМУ СИНТЕЗУ

Бесмысленность и вредность противопоставления друг другу “веры” и “знания” становятся сегодня тем очевидней, чем яснее осознаётся зависимость нравственного поведения от мировоззрения. Но поэтому и сами эти *бесмысленность и вредность* как бы сигнализируют нам о назревшей общественной **потребности** в смене теоретических установок и мировоззренческих предпосылок, т.е. в смене всего того, что принято называть *мировоззренческой парадигмой*. И есть подозрение, что в этой потребности находит своё выражение наша последняя надежда на возрождение *настоящей*, а не “пиаровской”, “политтехнологической” *нравственности*.

Смена мировоззренческой парадигмы (т. е. смена господствующих теорий о принципах понимания и объяснения мира) предсказывалась на протяжении всего XX века, причём сразу по многим направлениям мысли. Здесь имеют место и разочарование в упрощённой, чисто условной схеме развития “от простого к сложному, от низшего к высшему”, и несостоятельность биологической гипотезы о наследовании приобретаемых признаков, и осознание того факта, что эволюционистское представление о возникновении “живого из неживого” не адекватно реально наблюдаемым процессам (а именно: принципу “все живое – от живого”), и идея иерархического строения реальности, и несводимость информации к материи, и загадочность “антропного принципа в космологии”, и новая, связанная с мифологической семантикой, фактология в истории духовной культуры, и обнаруживаемая символическая природа языковых понятий, и те методологические тупики, которые в герменевтике (науке об интерпретации текстов) носят название “кругов в доказательствах”, и многое другое.

Была также высказана и косвенная догадка, что в рамках новой мировоззренческой парадигмы найдёт свою “реабилитацию” нравственная проблематика. Первым здесь оказался всё тот же Вернадский: «Если подтвердится, что жизнь есть не планетное, а космическое явление – последствия этого для биологических *и гуманитарных* концепций будут чрезвычайны». А вслед за Вернадским на тот же момент указал создатель Общей теории систем Л. фон Берталанфи. В частности, он писал: «Если реальность представляет собой иерархию организованных целостностей, то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве последней и единственной “истины”. Мир символов, ценностей, социальных и культурных сущностей в этом случае представляется гораздо более “реальным”, а его встроенность в космический порядок окажется подходящим мостом между... наукой и гуманитарным мироощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами любой иной сформулированной по аналогичному принципу антитезы».

В последней цитате выражена, по сути дела, надежда на **нарождающееся очеловечивание научного мировоззрения**, надежда на то, что наши традиционные представления о добре и зле, о совести и нравственности, о должном и не должном – ничуть не менее *реальны*, чем физическая, материальная действительность. Но если такая надежда и в самом деле оправдана – то, значит, **пора “думать о душе” не только в религиозном, но и в строго научном смысле.**

Ведь если мир – не то, чем он представлялся классической науке, то и мировая история должна будет раскрыться нам как нечто гораздо более интересное и важное, нежели “самоусложняющийся прогресс”. Если “культура” не сводима к борьбе людей за выживание, то наши мысли, цели и идеалы могут оказаться в конечном счёте чем-то намного бóльшим, нежели “функция высокоразвитой материи”. Если личность изначально ориентирована на постижение своей соразмерности миру, если этой ориентированностью задан вектор её движения в историческом времени – то придётся кардинально пересмотреть наше сегодняшнее понимание “рациональности”. Если индивидуальное человеческое бытие – это не изолированный отрезок времени между рождением и смертью, а особым образом организованный “квант” в не имеющей начала и конца структуре информационно-энергетических взаимодействий, то **фатально обманется каждый, делающий своё “Я” в этом мире наивысшей жизненной ценностью**. И если сами рождение и смерть – суть двери, через которые неуничтожимая информация о нас переводится из одних своих потенциальных накопителей в другие, то не исключено, что всё в этом мире имеет свой конечный смысл и оправдание, и что **быть в этой жизни нравственным и совестливым – выгодно для нас же самих**.

То есть, не исключено, что **на абсолютно всё** совершаемое в этой жизни **имеется счёт**, и что поэтому столь обычное сегодня противопоставление друг другу *веры и знания, правды и права, идеалов и интересов* – всего лишь досадная, исторически преходящая издержка нашего нынешнего “научного” невежества.

12. ЧТО МЕШАЕТ

Смена методологических предпосылок и критический пересмотр всего накопленного историко-материалистической наукой теоретического багажа – процесс непростой и болезненный, он обещает растянуться на целую эпоху. Тому есть объективные причины, главная из которых – обычная научная инерция. Именно она заставляет многих учёных искать замену вызывающе-механистическому объяснению эволюционно-исторического процесса на путях разработки более замысловатых моделей *самоорганизации* (на путях, плодотворных применительно к уже существующим системам, и неизменно дающих “сбой” применительно к моделям “происхождения”).

Но одними лишь объективными факторами проблема не исчерпывается. Приходится, к сожалению, признать, что **у идеи “смены мировоззренческой парадигмы” имеется в современном мире гораздо более влиятельный, чем научная инерция, враг, для которого существующая материалистическая парадигма является главным инструментом самооправдания, средством камуфляжа и орудием господства. Этот враг – идеология поклонения “золотому тельцу”, идеология “набивания карманов любой ценой”.** И этот враг делает всё возможное, чтобы современный научный процесс, особенно в сфере общественных наук, представлял собой не свободное движение эмпирической научной мысли, а поставленное на конвейер производство *манипулятивных технологий, призванных законсервировать материалистическую парадигму* (см. хотя бы книгу Дж. Сороса «Открытое общество: реформируя глобальный капитализм». М. 2001).

Иными словами: смена мировоззренческой парадигмы затрагивает интересы далеко не одних только учёных с их лично-профессиональными амбициями, корпоративными установками, мировоззренческими убеждениями и политико-идеологическими ориентациями. Она затрагивает также интересы и тех, более циничных, “дирижёров” мировой политики, которые понимают, что историко-материалистическое мировоззрение со всеми его претензиями на “диалектику” – это всего лишь *ступенька на пути к законченному экономикоцентризму*: от предварительной *компроматации духовности* (через объявление её “вторичной”, “надстроечной”, “небазисной”) к созданию “экономического человека”, которому безразлично всё, что не имеет “товарного статуса” и “менового стоимости” (идёт ли речь о “Боге”, о “совести”, о “национальном интересе” или о “государственном суверенитете”).

Уже сейчас на роль очередных (вслед за историческим материализмом) *ступенек, ведущих к завершению экономикоцентрической тенденции*, могут претендовать такие отточенные инструменты этой идеологии, как *бихевиоризм* с его неприятием высших смысловых ценностей, или *экономическая теория чикагской школы* с её фактическим уравниванием “неприспособленных предприятий” и “неприспособленных народов”. А всю ту фактологию, которая в указанные идеологические конструкции не вписывается, «современной либеральной теории запрещено замечать» (А.С.Панарин), подобно тому как в советские времена запрещено было сомневаться в истинности историко-материалистического учения.

Почему всё это делается, в общем-то понятно, – если учесть, что господствующее сегодня **материалистическое мировоззрение служит**

моральным оправданием сложившегося в мире бессовестного и безнравственного глобального порядка (составной частью которого является показная конкуренция капиталистического и социалистического, но в обоих случаях материалистического, социальных строев). Отказываться в этих условиях от материалистической парадигмы – означает ставить всё здание **этого порядка** под угрозу нравственной ревизии. Как и наоборот: пока в сознании миллионов сохраняет свою авторитетность материалистическая парадигма – неуязвим и глобальный порядок, воплощённый в основанных на ней предпосылочных установках, принципах и методиках обучения, в программах и технологиях управления массовым сознанием, в огромном количестве зомбирующих формул и языковых штампов, в поведенческих образцах и шаблонах.

Понятно и то, что выступать в таких условиях против материалистической парадигмы означает фактически – ставить себя вне обсуждаемости, вне легальной научной полемики, вне возможности быть услышанным. Это особенно очевидно в связи с российскими условиями, где понятия “научный” и “материалистический” стали синонимами, – потому что на протяжении многих десятилетий советской истории сама возможность получения научной степени была напрямую связана с “принесением клятвы в верности материализму” (а именно так и нужно расценивать необходимость сдачи входившего в “кандидатский минимум” экзамена по теории научного материализма). Но разве не являлась такая “клятва”, даже и произносимая формально, обещанием не думать самостоятельно о самых главных – предпосылочных основаниях собственной научной работы? И разве не влияла формальность таких “обещаний” на нравственную атмосферу общества?

И всё же **смена мировоззренческой парадигмы неизбежна**. Более того: судя по ряду косвенных признаков, она станет свершившимся фактом уже в самое ближайшее (по историческим масштабам) время. А чем более упорное ей будет оказываться противодействие, тем с большей силой заявит о себе назревающий интеллектуальный **прорыв**. Хотя и наивно надеяться на то, что новая картина мира явится нам вся сразу в законченном, отточенном в деталях виде, или на то, что она моментально и целиком овладеет общественным сознанием.

Но вот в чём совершенно не стоит сомневаться, так это в том, что **тот, кто первым поставит под свой контроль энергию прорыва – тот получит и неограниченный кредит доверия ко всем своим начинаниям в области возрождения нравственных устоев общества**. Потому что смена мировоззрения вовсе не сводима к техническому моменту “информационной перезагрузки общества”. На самом деле смена мировоззрения – это *переломная точка истории*, умелым воздействием на которую запускается в работу небывалый по своему масштабу и последствиям проект качественного обновления общества. А в этом проекте впервые, может быть, перестанут выглядеть несбыточными и наши самые сокровенные мысли, и самые заветные цели, и самые потаённые надежды.

Ведь «хотели как лучше, а получилось как всегда» – это, вопреки широко распространённому мнению, сценарий не “на все времена”, а только лишь на период господства нынешней “свободы выбора” между “заповедником для духа” и “капканом для духа”.

13. МАЛЕНЬКИЙ ЛИКБЕЗ

Должны ли мы спокойно ждать “пришествия” новой мировоззренческой парадигмы, которая сама, наподобие пресловутого “рынка”, всё устроит по наилучшему – духовно-нравственному – сценарию? Или же, в целях самосохранения, мы вправе предпринять некие опережающие (хотя и могущие выглядеть “нетолерантными” и даже “тоталитарными”) действия по нравственному оздоровлению общества?

Конечно, мы не питаем иллюзий насчёт реального положения вещей и признаём, что **«нравственность, как и талант, даётся не каждому»** (А.С.Пушкин). Но мы считаем при этом, что **преступно** закрывать глаза на те отрицательные последствия, которыми оборачивается для подавляющего большинства наших граждан отсутствие нравственности у их меньшинства. А понимание разрушительности последствий монопольного господства над общественным сознанием материалистической парадигмы создаёт особое правовое пространство действий – пространство, в котором единственно-адекватным текущему моменту “воспитательным инструментом” управления обществом оказывается **“идеология нравственности”**.

Но здесь необходим небольшой предварительный “ликбез”.

В современном массовом сознании слово “идеология” ассоциируется, благодаря СМИ, с чем-то сугубо “тоталитарным”. А поскольку современная Конституция РФ составлялась людьми того же, довольно-таки невежественного, образа мыслей, который определяет и общую направленность сегодняшних СМИ, то “антитоталитарный” тезис о запрете на идеологию проник и в Конституцию РФ. То есть, самый главный аргумент против введения в стране любой монопольной идеологии, в том числе и идеологии нравственности, имеет своей опорой ту статью Конституции, в которой сказано: «В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (раздел первый, глава 1, статья 13, пункты 1,2).

Мы не случайно заостряем внимание на **невежественном** образе мыслей авторов указанной конституционной статьи, – ведь именно этой статьёй создаётся тупиковая для нормального развития страны ситуация, которую необходимо срочно разрешить.

Дело в том, что, во-первых: по умолчанию у нас сегодня монопольно господствует безнравственная, общественно-опасная идеология “обогащения любой ценой”, – что следует расценивать двояко: или *как демонстративное нарушение Конституции РФ*, или *как сигнал о необходимости замены деструктивной для государства и общества идеологии на созидательную*.

Во-вторых: в отношении категории **“нравственности”** указанная статья Конституции РФ не имеет силы, потому что в другой статье Конституции РФ говорится: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, **нравственности**, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (раздел первый, глава 2, статья 55, пункт 3). Иными словами: даже в сегодняшней редакции Конституции РФ *общественная значимость нравственности имеет более высокий статус, нежели общественная значимость прав и свобод человека и гражданина*. А поскольку идеология –

это комплекс идей и концепций, ориентированных на ценности, то и **само существование нравственности иначе как в форме воплощённой идеологии попросту невозможно.**

В-третьих: когда мы говорим об «идеологии нравственности», то нужно понимать, что сам *термин “идеология” – это всего лишь дань современной культурной традиции, для которой кажется естественным называть всепроникающее духовное влияние идеологией.* Поэтому, если оставить в стороне склочное препирательство о словах, то нужно будет признать, что **речь идёт о возврате не столько к “идеологизированному”, сколько к нормальному, т. е. признающему верховенство духовных ценностей, обществу.** В конце концов, можно говорить не об “идеологии нравственности”, а о **“сверхвласти нравственности”**, – что опять-таки вписывается в конституционные нормы (раздел первый, глава 1, статья 3, пункт 3), а также в теорию государственности, различающую “идеологическую сверхвласть как руководящий принцип” и “непосредственное управление как орудие претворения руководящего принципа в жизнь” (см. нашу работу «Путь России к социальному государству», глава 3).

В-четвёртых: “идеологическое многообразие”, т.е. многообразие *в сфере ценностей*, ведёт не к “свободе мнений”, а к окончательной “атомизации” и, соответственно, деградации общества. То есть, пункт 1 статьи 13 Конституции РФ сформулирован без учёта различия между *многообразием в сфере мыслей* и *многообразием в сфере ценностей*. Многообразие второго рода, в отличие от многообразия первого – *это фикция*, потому что здесь **есть выбор только между ценностями и антиценностями** (между “добром” и “злом”, говоря языком религиозной традиции). **И сохранить саму возможность выбора между ценностями и антиценностями можно лишь, сознательно утверждая ценности, – в противном случае мы остаёмся только с антиценностями**, когда фиктивное “идеологическое многообразие” оборачивается торжеством “идеологического безобразия”.

Ещё один невежественный аргумент против нравственности как государственной идеологии формулируется так: нравственность невозможно насадить директивным путём.

В этом аргументе, помимо невежества, много также и лицемерия. Годы *псевдодемократии* блестяще доказали, что с помощью средств массовой информации (органов директивного управления сознанием через эмоции) можно *очень эффективно насаждать всё то, что способствует нравственному разложению и деградации общества.* А это значит, что с *точно такой же эффективностью и с помощью точно таких же средств можно насаждать (реанимировать) в обществе и всё то, что нравственно укрепляет и оздоравливает его.* Другое дело, что настоящий расчёт здесь – не столько на средства массовой информации как таковые, сколько на новые, основанные на **принципе нравственности** социальные технологии, на педагогические системы, руководящим принципом которых является идея примата *нравственного образования над узко-профессиональным.*

14. НРАВСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП

Как видим, вопрос об “идеологии нравственности” вполне решаем даже на чисто правовом поле. А *моральное право* на защиту нравственности нам даёт взгляд на проводимую сегодняшней российской властью политику как на курс, насаждающий и легитимирующий под предлогом “деидеологизации” самую обычную “идеологию агрессивной безнравственности”.

Но поэтому и сидеть сложа руки в ожидании, когда смена мировоззренческой парадигмы осуществится “сама собой” (по законам “самоорганизации”) – недопустимо. Ленивым, как говорится, Бог не помогает. И если Божественный Принцип Любви («вождеденнейшая заповедь жизни», по П.А. Флоренскому) понимается как максимально высокий, но абсолютно не формализуемый идеал общежития, то его представление в виде **“нравственного принципа” (“принципа нравственности”) как меры непричинения вреда (ущерба) себе, окружающим и среде обитания** – есть операциональная минимизация идеала. А смысл минимизации – в том, что с её помощью и на её основе неформализуемый идеал всеобщей любви можно трансформировать в реальные, позволяющие улучшать общественную жизнь, *социальные технологии*.

Каким образом?

Общественная жизнь устроена так, что не причинять вред (ущерб) себе, окружающим и среде обитания *вообще* можно только бездействуя. В реальности люди, осуществляя свободу выбора (воли), вынуждены действовать. И, значит, вынуждены причинять ущерб себе, окружающим и среде обитания. Но тогда вопрос заключается лишь в том, как минимизировать этот ущерб (оценивать который куда легче, нежели выгоду). А кто может оценить меру ущерба? Очевидно, что только другие люди: «Судите по делам их» – что может быть проще?

Как известно, «глас Народа – глас Божий», и мы утверждаем: голос тысяч квалифицированных людей, рассматривающих *все общественные проблемы с позиций нравственного принципа*, действительно способен приближать нас к гармонии материального и духовного, к балансу прав и обязанностей. Не прислушиваться к этому голосу никакая земная власть просто не сможет!

Проблема лишь в том, чтобы организовать множество слабых разрозненных голосов в единый мощный голос. А эта проблема решается на путях использования конкретных информационных и управленческих технологий, способных вовлекать в дискурс (по всем важнейшим вопросам жизнедеятельности) десятки и сотни тысяч высококвалифицированных и нравственных людей, оказавшихся сегодня за бортом принятия общественно-значимых решений.

Закономерным производным такого дискурса и должно явиться становление **идеологической сверхвласти нравственности**.

15. СВЕРХВЛАСТЬ НРАВСТВЕННОСТИ

Нравственность – это общее выражение тех свойств человеческой природы, которые выполняют функцию регулятора отношений между членами общества независимо от социального, национального, конфессионального и других факторов. Это особый настрой мышления и поведения, позволяющий не наносить ущерб себе, окружающим, среде обитания.

Если этот настрой станет в обществе преобладающим, то можно будет говорить о сверхвласти нравственности.

Сверхвласть нравственности – это идеологическая альтернатива сверхвласти денег. В той мере, в какой последняя является в сегодняшнем мире господствующей, она формирует в массовом сознании адекватные себе понятия, суждения и оценки, а также отношение к ним как к единственно-правильным и единственно-возможным. В свою очередь, на основе этих понятий, суждений и оценок задаются некие “универсальные” стандарты поведения, “непогрешимые” оценочные критерии и не подлежащие обсуждению и критике международные правовые нормы, служащие в дальнейшем инструментами манипулирования массовым сознанием, компрометирования неугодных лидеров и режимов, “продавливания” нужных политических решений. А в результате сверхвласть денег, оказывающая при этом *формальное* покровительство бессильным (а потому безвредным для неё) религиозным институтам, становится условием и предпосылкой формирования в сознании управляемых мировоззренческого хаоса (“каши в головах”).

Задача же сверхвласти нравственности – разрушить иллюзию “единственной правильности” и “единственной возможности” ключевых постулатов идеологической сверхвласти денег, а также подготовить, в преддверии смены мировоззренческой парадигмы, формирование альтернативной системы взглядов на место, роль и назначение человека и общества в мире. То есть, задача сверхвласти нравственности – очистить сознание управляемых от насаждаемого сверхвластью денег мировоззренческого хаоса – от “каши в головах”.

Вот несколько конкретных примеров того, *что именно* сверхвласть нравственности способна противопоставить сверхвласти денег:

- С точки зрения сверхвласти денег, высшей в мире ценностью является любая (абстрактная, рассматриваемая “вообще”) жизнь человека. С точки же зрения сверхвласти нравственности, высшей в мире ценностью является нравственное качество жизни человека. А провозглашение абстрактной человеческой жизни высшей в мире ценностью, без учёта соответствия реального поведения конкретных людей критериям и требованиям нравственности, является общественно-опасным проявлением либо инфантильной безответственности, либо умышленной злонамеренности.

- С точки зрения сверхвласти денег, обеспечение высшей ценности – человеческой жизни – достигается соблюдением прав и свобод личности. С точки же зрения сверхвласти нравственности, пропаганда идеи “прав и свобод личности” в отрыве от идеи “ответственности и обязанностей личности перед обществом” является манипулятивной технологией, направленной на скрытый подрыв нравственных устоев общества.

- С точки зрения сверхвласти денег, высшая форма государственно-общественного устройства – это демократия с её разделением властей. С точки же зрения сверхвласти нравственности, демократия без нравственности – пустой звук, внешне-благообразный камуфляж для скрытого осуществления сверхвласти денег.

- С точки зрения сверхвласти денег, подчинённость государств и обществ некой монополющей идеологии – это признак их “тоталитарности”, чему должна противостоять “деидеологизация” государств и обществ. С точки же зрения сверхвласти нравственности, управление без конструктивной идеологии – это то же самое, что и управление “без царя в голове”. А единственным следствием “деидеологизации” государств и обществ оказывается их подчинённость (по умолчанию) монополющей сверхвласти денег.

И так далее.

Уже из приведённых примеров видно, что реальная политика, основанная на идеологии “сверхвласти денег”, неотделима от двойных стандартов: провозглашается одно, а по умолчанию осуществляется другое. Но тогда становится понятно, почему *реальное управление в государствах и обществах, выступающих в качестве “объектов двойных стандартов”, всегда основано на тех или иных технологиях манипулирования массовым сознанием*, и почему конечным результатом такого управления всегда оказывается нечто диаметрально противоположное ожидавшемуся. Возложили, скажем, надежды на всемогущую “невидимую руку рынка”, и получили полную потерю управления страной. Провозгласили главенство “закона”, и получили массовое “кидалово” людей по всем правилам юриспруденции. Понадеялись на “общечеловеческие ценности”, и получили разгул звериной борьбы за существование. Поверили в абстрактную “свободу”, и получили небывалый расцвет анархии, уголовщины и казнокрадства. Встали на защиту прав “меньшинств”, и поставили под угрозу права большинства. Соблазнились “свободой слова”, и получили полную свободу от смысла слова.

Всем таким манипуляциям массовым сознанием и должна противостоять сверхвласть нравственности, формирующая альтернативную систему понятий. Возьмём, к примеру, понятия “добра” и “зла”. Вчера нам внушали, что коммунизм – это “добро”, а капитализм – “зло”; сегодня внушают нечто диаметрально противоположное, а завтра снова всё переиграют. И общество, с его *условными рефлексам на слова*, всё это, как всегда, “съест”, – потому что воспитано на материалистической парадигме, исходящей из идеи относительности “добра” и “зла”. Иную же точку зрения на “добро” и “зло” даёт альтернативная, уходящая в не-материалистическую традицию, парадигма. Согласно ей, “зло” в его отношении к “добрю” понимается как отчуждённость от прежнего всеединства (неоплатонизм), как отсутствие полноты свойственных нам благ (Дионисий Ареопагит), как “затуманенность” в сравнении с открытым взглядом на мир (православная формула). То есть, общим знаменателем иной точки зрения может считаться *взгляд на “добро” как на полноту представлений о мире, а на “зло” – как на её “урезанность”*, – что целиком соответствует нашему взгляду на проблему (см. гл. 8).

Или возьмём идею “личностного начала”, которое якобы на Западе всегда процветало, а в России всегда подавлялось. На самом деле под “личностным началом” здесь понимается гипертрофированное “Я”, противопоставляющее себя “Не Я”. А такое “Я” и на самом Западе появилось, по историческим

меркам, сравнительно недавно – в процессе становления капиталистических отношений. И явилось оно выражением не “личностного начала”, а обыкновенного “эгоистического индивидуализма”. Не различать же “личностное начало” и “эгоистический индивидуализм” – значит не понимать, что существует не только “Я”, противопоставляющее себя “Не Я”, но и “Я”, вполне сознательно считающее себя частью “Не Я”.

Или возьмём идею, согласно которой справедливое общество можно выстроить лишь на основе “правильного” соотношения производительных сил и производственных отношений. – Кому, как не нам, “споткнувшимся” на паразитизме собственной элиты, дано право высмеять эту материалистическую иллюзию.

В свете “сверхвласти нравственности” совершенно по-новому прочитываются и любые сиюминутные вопросы текущей общественной жизни. Что такое, например, “русская идея”? Да не более чем “идея нравственности”, в сферу компетенции которой входит всё: и проблема русской демографической катастрофы, и проблема конституционного бесправия русского народа, и проблемы, связанные с пропагандой русофобии в СМИ. Или: что такое “социализм”? Да не более чем совмещение личных интересов с общественными – совмещение, возможное лишь на нравственной основе. Или: что такое “национализм”? Да не более чем ответственность за нравственное состояние своего народа.

Наконец, последнее, что нужно сказать о понятии “идеологической сверхвласти”.

В XX веке мы неоднократно наблюдали проявление в общественной жизни этого феномена. Один из таких примеров даёт изначально бесчеловечная идеология национал-социализма – идеология разделения людей на “полноценных” и “неполноценных”, идеология, трагически отозвавшаяся в миллионах человеческих судеб минувшего столетия. Другой пример мы имеем в идеологии, диаметрально противоположной по заявленным идеалам первой – в идеологии построения “светлого коммунистического будущего”. По степени своей судьбоносности эта идеология, при всей ущербности её теоретического обеспечения и при всех трагических издержках её практического воплощения в жизнь, тоже имела очевидные признаки *идеологической сверхвласти*, способной управлять миллионами человеческих судеб. Наконец, сегодня мы наблюдаем повсеместное торжество идеологии либерализма – идеологии свободы от нравственного поведения, от моральных обязательств, от ответственности и обязательств перед людьми: идеологии безграничной свободы во имя личного обогащения любой ценой. Несомненно, что и в этом третьем случае перед нами – очередная *идеологическая сверхвласть*, имеющая своей функцией изошрённое и жёсткое управление миллионами человеческих судеб. И жертв на совести этой третьей сверхвласти ничуть не меньше, чем на совести первых двух.

Подлинно научное изучение феномена идеологической сверхвласти – впереди. Но уже сейчас ясно, что перед нами – проявление каких-то глубинных законов ноосферы: вне периодически вспыхивающей пассионарности народов, вне *стихийного перебора* форм духовного бытия, вплоть до диаметрально-противоположных, взаимно исключающих друг друга вариантов этих форм, нет и не может быть самой человеческой истории.

Но ясно и то, что *стихийный перебор* вариантов слишком дорого нам обходится. И если справедлива научная гипотеза, согласно которой суть глобального исторического процесса неотделима от перевода бессознательных форм человеческого бытия в его осознанные формы (чем и стимулируется историческая изменчивость коллективных представлений о мире), то мы, действительно, встаём перед насущной проблемой **научного постижения языка традиционных ценностей**.

А это и означает признание той эмпирической очевидности, что на данном витке нашего исторического бытия никакой альтернативы идеологии “сверхвласти нравственности” у нас нет и не может быть.

16. ПРОГРАММА-МИНИМУМ

Казалось бы, всё сказано, и можно ставить точку. Но: в том-то и дело, что – только “казалось бы”.

Сверхвласть нравственности – это, действительно, альтернатива сверхвласти денег. Но “альтернатива” – не означает “панацея”. “Альтернатива” – это всего лишь возможность выбора одной из двух взаимоисключающих противоположностей, а такой выбор, как мы уже видели – это всегда выбор между крайностями полужизни, это всегда казуистическая ловушка, построенная по принципу “или-или” (см. гл. 10).

В отношении *эмоционально-нейтральных* понятий всё это достаточно очевидно и без специальных разъяснений. Например, ни один нормальный человек не станет утверждать, что *день* или *ночь* предпочтительнее *полного суточного цикла*, или что *любой из двух полярных полюсов земли* предпочтительнее *полного магнитного поля планеты*, или что общество, состоящее из *одних мужчин* или *одних женщин* – предпочтительнее *общества с разнополым составом*.

Тем не менее, выбор в пользу чего-либо одностороннего, в ущерб полноте имеющихся возможностей, совершается сплошь и рядом. Спрашивается: почему? – Да только лишь потому, что совершается он обычно в отношении понятий, *не являющихся однозначно-определимыми, а, значит, и эмоционально-нейтральными*.

Вот, скажем, понятие “социализм”. В реальной исторической практике с ним связано очень много взаимоисключающих эмоций. Так, социализм советского образца – это диктатура пролетариата (с фиктивной ролью самого пролетариата, – ввиду его неспособности к управленческой деятельности); это классовая борьба, натравливающая одни слои населения на другие; это уравнительное распределение, уничтожающее стимулы к производительному труду; это запрет частной собственности на средства производства – запрет, обернувшийся геноцидом русского крестьянства, а, значит, и всего русского народа, состоявшего в начале XX века на 4/5 из крестьян. То есть, советский “социализм” – это многое такое в нашей истории, что вполне позволяет оценить его опыт со знаком “минус”. Но советский “социализм” – это также электрификация и индустриализация страны, без которых мы не выиграли бы Великую Отечественную войну; это слом классово-кастовых барьеров, открывших доступ народных низов к образованию и научно-техническому творчеству, это социальные гарантии, создававшие “уверенность в завтрашнем дне”; наконец, это та всемирно-значимая попытка гармонизации общественных и личных интересов, которая даже после слома советской формы социализма никогда уже не потеряет в глазах трудящихся всего мира своего исторического значения и идеологической притягательности.

А вот понятие “капитализм”. Это понятие, неотделимое от чудовищных преступлений эпохи первоначального накопления капитала и колониальных империй; это общественное устройство, доведшее до крайних пределов социальные антагонизмы с помощью политики двойных стандартов (одних – для “золотого миллиарда”, других – для всего остального мира); наконец, это строй, теоретически оправдывающий себя самыми подлыми измышлениями социал-дарвинизма. Но “капитализм” – это также и небывалое раскрепощение человеческой инициативы на основе обеспечиваемой частной собственностью личной независимости. И в этом смысле он тоже обладает несомненной

идеологической притягательностью универсального характера и всемирного масштаба.

Но тогда получается, что и “социализм”, и “капитализм” гораздо легче интерпретировать не с точки зрения их противоречивой (а потому трудноопределимой) сущности, а с точки зрения выгод текущего политического момента. То есть, понятия с такими разнокачественными характеристиками просто не могут лечь в основу некой универсальной технологии манипулирования массовым сознанием.

Принцип действия технологии таков. Представим себе “собаку Павлова” (объект отработки условных рефлексов на сигналы), в мозг которой вживлены два электрода: один – в “центр удовольствия”, отвечающий за восприятие сигнала как “добра”, а другой – в “центр агрессии”, отвечающий за восприятие сигнала как “зла”. От электродов проводки тянутся на испытательный стенд, где с помощью клемм подсоединены к кнопкам управления. Проводок, идущий от “центра удовольствия”, подсоединён, скажем, к кнопке с биркой “социализм”, а проводок, идущий от “центра агрессии” – к кнопке с биркой “капитализм”. Нажимается первая кнопка – и собака распускает слюни от удовольствия; нажимается вторая кнопка – и собака заходится в бешеном лае. Это – моделирование ситуации, наблюдавшейся в России в начале XX века. Затем клеммы от проводков перебрасываются с одной кнопки на другую – меняются местами, в результате чего операция раздражения “центра удовольствия” проводится уже под кодовым названием “капитализм”, а операция раздражения “центра агрессии” – под кодовым названием “социализм”. Это – моделирование ситуации, наблюдаемой сегодня.

“Бирки на кнопках” – это довлеющие над массовым сознанием понятийные штампы. “Центр удовольствия” и “центр агрессии” – это сфера эмоций массового сознания. Проводки, соединяющие электроды с кнопками – это штат профессиональных манипуляторов массовым сознанием, специалистов по эмоциональной окраске понятийных штампов (журналисты, политологи, артисты и др.). “Оператор”, нажимающий кнопки и перебрасывающий проводки с одной кнопки на другую – это власть, содержащая штат манипуляторов и направляющая его. **А суть власти “оператора” над “собакой Павлова” – это свойство сознания принимать своё эмоциональное отношение к словам за их понимание.**

Бирки на кнопках могут быть самыми разными: “демократия” и “тоталитаризм”, “фашизм” и “либерализм”, “державничество” и “анархизм”, “соборность” и “индивидуализм”, “вера” и “знание”, “идеалы” и “интересы” и т.п. Единственное предъявляемое к ним требование – это то, что они должны образовывать собой пары противоположных по *предполагаемому* смыслу понятий. Только лишь при выполнении данного требования “оператор” сумеет разыграть на испытательном стенде спектакль для посвящённых под кодовым названием “борьба нанайских мальчиков”. А от “собак Павлова” требуется лишь “вера в бирки” – вера в соответствие отвлечённых понятий реальностям жизни, вера в *понятия* как в *вещи* или – проще говоря – *тупая вера в слова с размытым смыслом.*

Что отсюда следует? То, что выбор между “социализмом” и “капитализмом” невозможен? – Нет, отсюда следует лишь то, что выбор нужно делать не в пользу *слов* “социализм” или “капитализм”, а в пользу оправдывающей себя практическим опытом *чистой эмпирики*. А *чистая эмпирика* такова: **единственным оправдывающим себя на практике**

критерием социалистического устройства общества является не “диктатура пролетариата”, не “классовая борьба” и не “запрет на владение частной собственностью”, а *“совмещение частных интересов с общественными”*. И точно также единственным оправдывающим себя на практике критерием капиталистического устройства общества является не “невидимая рука рынка”, не “права и свободы человека” и не “демократическое разделение властей”, а опять-таки *“совмещение частных интересов с общественными”*.

Достаточно встать на позицию данного критерия, чтобы понять разницу между *реальной действительностью и её доведёнными до крайностей теоретическими “интерпретациями”*. “Чистый капитализм” и “чистый социализм” – это продукты “интерпретаций”, это “приманка для собак Павлова”, живущих по принципу “или-или”. Поэтому те общества, которые ориентируются на “чистый капитализм” или “чистый социализм”, *благополучными не бывают*. В отличие от тех обществ, где выбору по принципу “или-или” противопоставляется оправдываемая практическим опытом “чистая эмпирика”, *соответствующая, как правило, принципу “и-и”*.

Вот пример: так называемый “капиталистический мир” одержал в холодной войне победу над так называемым “социалистическим миром” не потому, что “капитализм” по определению лучше “социализма”, а потому, что *на данном историческом отрезке времени “капитализм” произвёл впечатление отвечающего критерию истинной “социалистичности”* (т.е. совместимости частных интересов с общественными) в гораздо большей степени, чем сам “социализм”. Это подтвердит каждый, кто помнит, что все разговоры о “социализме с человеческим лицом” велись на заре перестройки с постоянными ссылками на “шведский”, “швейцарский” и прочие “социализмы”. Другое дело, что общественный строй, сложившийся в странах “золотого миллиарда” – это строй, использующий технологии социалистического строительства в несоциалистических целях. То есть, **это строй для избранной части населения Земли**. Его “стандарт жизни”, основанный на потреблении 5-ю % населения Земли около 50-ти % мировой энергодобычи, предназначен не для экспорта, а исключительно для внутреннего пользования; *для всех этот стандарт недостижим принципиально* (что и было совершенно открыто заявлено по итогам Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Но это уже – к вопросу об информированности выбирающих).

Вывод: пора учить уроки, – иначе не перейдём в следующий класс.

Самый главный урок, который нам предстоит выучить, формулируется следующим образом: любой выбор по принципу “или-или” является питательной почвой для манипуляционных технологий *именно и только потому, что совершается под бессознательным, эмоционально-гипнотизирующим воздействием понятий “добро” и “зло”* – воздействием, заведомо предполагающим априорный выбор в пользу понятия “добро”. А поскольку *на обывательском (между “капканом” и “заповедником”) уровне* понятия “добро” и “зло” интерпретируются самыми разными, в том числе и диаметрально-противоположными, способами, то и сам выбор сплошь и рядом делается не в пользу выбирающих, а в пользу тех, кто способен в данный момент контролировать “эмоциональные интерпретации” в собственных корыстных целях.

Но ведь и понятие “сверхвласти нравственности”, противостоящее понятию “безнравственной сверхвласти денег” – это частный случай всё того

же смыслового противопоставления понятия “добро” понятию “зло”. Поэтому, декларативно провозглашая “сверхвласть нравственности” высшей общественной ценностью, мы остаёмся со всем тем же, что имели на протяжении всей своей предшествующей истории: с “бессильной нравственностью как добром” и “всесильными деньгами как злом”. Всё это мы уже “проходили”, причём в двух различных редакциях: в редакции “заповедника для духа” и в редакции “капкана для духа”. Первая редакция – это библейская формула «Раздай своё имение, и следуй за Мной»; на практике она проявила себя тупиковым выбором между “бессильным неприятием греховного мира” и “агрессивно-бессовестным самоутверждением в нём”. Вторая редакция – это пресловутая формула «Мы из золота будем делать нужники»; на практике она тоже проявила себя тупиковым разладом между идеалами и мировоззрением – разладом, обернувшимся антисоциальностью, апатией и нигилизмом.

Нетрудно догадаться, что, предложив очередную редакцию “борьбы добра со злом”, мы добъёмся лишь того, что теоретически и практически разоружим себя наивной демонизацией власти денег. При том, что абсолютно все политические проходимцы страны обогатят (и уже, благодаря нашим же трудам, обогащают) свой лексикон словом “нравственность”.

А это нам нужно?

Нет, это нам совсем не нужно.

Нам нужно, чтобы “нравственность” не исключала “денег”, а “деньги” не исключали “нравственности”. – Но чтобы так получалось, нужно делать выбор не по принципу “или-или”, а по принципу “и-и”. Потому что только лишь этот второй выбор способен обернуться выбором *не в пользу слов с размытым смыслом, а в пользу оправдывающей себя практическим опытом чистой эмпирики*. Чистая же эмпирика, примиряющая нравственность с деньгами, состоит из хорошо известного специалистам набора мероприятий. Сюда входят и прогрессивная шкала подоходного налогообложения, и запрет на совмещение государственной службы с предпринимательской деятельностью, и запрет частной собственности на всё то, что не создано руками и трудом самого человека (а это земля, недра и т.д.), и извлекаемая из этого общественного достояния рента, расходуемая в интересах всего общества (в том числе и будущих поколений), и повышенные налоги на роскошь, и многое-многое другое, служащее максимально полным выражением выбора по принципу “и-и”.

Только постоянный, возводимый в машинальную привычку, выбор по принципу “и-и”, с неременной оглядкой на его оправданность практическим опытом, способен провести нас через огонь и воду той суровой школы жизни, которая вызовет нас, наконец, из эмоционально-гипнотизирующей, рабской зависимости от неоднозначных в смысловом отношении слов-понятий. И только он способен выполнить функцию искомого “предпосылочного поля смыслов”, на основе которого должно будет начаться овладение азами новой мировоззренческой парадигмы.

Разумеется, мы не сможем разместить на этом “поле” завещанную нам нашей религиозной традицией *нравственность как вселенский идеал любви*. Но мы можем разместить на нём то небольшое, что имеем – *нравственный принцип (принцип нравственности)*, гласящий: «Не вреди себе, окружающим, среде обитания» (см. гл.14). И мы можем – с помощью использования конкретных информационных и управленческих технологий, способных

вовлекать в дискурс десятки и сотни тысяч высококвалифицированных и незаангажированных людей – последовательно добиваться минимизации ущерба, наносимого обществу деятельностью недобросовестных и корыстных управленцев (там же).

При таком подходе к делу “общественная нравственность” перестаёт быть чем-то “метафизическим”; она обретает понятную всем форму “коллективного здравого смысла” – форму некой “программы-минимум”, звучащей примерно так:

«Мы живём на этой земле и хотим, чтобы на ней жили наши дети. Жили не как на чьей-то периферии и не в качестве маргиналов чьей-то цивилизации, а в качестве хозяев собственной страны. Поэтому любой, в том числе и коллективный “реформатор” (экономики, здравоохранения, образования или чего-либо ещё), а также замеченный в коррупции государственный служащий или представитель выборного органа власти, заметно ухудшающий положение дел на вверенном ему участке деятельности, должен рассматриваться как особо опасный преступник, как государственный изменник и враг народа, подлежащий немедленному обезвреживанию и наказанию.

Можно ли сплотить на такой минимальной, предельно ясной программе разобщённое, деморализованное и деградирующее население нашей страны?

Многим кажется, что это уже нереально. Но кажется только лишь потому, что мы слишком *разобщены, рассеяны по разного рода мировоззренческим “закоулкам” – осколочным прибежищам* наших прежних “заповедников”, “заповедничков” и “заказников”, “капканов”, “капканчиков” и “ловушек”, “учений”, “вер” и “сект”, псевдонаучных, псевдодуховных и прочих “тусовок”. Кто-то отхватил себе среди этих осколков “особняк”, кто-то ютится в “коммуналке”, кто-то устроился на “антресолях”. Кто-то стал “кухонным пророком”, кто-то нашёл себя в роли “смотрителя заповедника”, а для кого-то “мировоззренческой ракушкой” стало “концептуальное” отрицание самой необходимости “ракушки”. И эта всеобщая *разбросанность* людей по отдельным “мировоззренческим ракушкам” лишает их общего языка, а, значит, и перспективы взаимопонимания.

А между тем *основа для взаимопонимания объективно существует. И называется она “Историей Духа” – ещё весьма далёкой от завершённости “критической историей мировоззрения”*. Потенциально включая в себя абсолютно каждую из существующих “ракушек”, она уже сейчас подготавливает почву для новой общественной консолидации. Потому что обещает привнести в наш повседневный обиход способность настоящего, а не иллюзорного различения “добра” и “зла”, “должного” и “недолжного”, “смысла” и “бессмыслицы”.

Конечно, обретение такой способности достижимо лишь на путях преодоления собственной зависимости от манипуляционных штампов. А преодолевать штампы собственного сознания, или, что то же самое, *учиться новому – всегда трудно*.

Но кто сказал, что раз *трудно*, то, значит, *не нужно*? И разве есть у нас иной путь?

Подобно тому, как у отдельно взятого молодого человека нет в жизни иного достойного пути кроме пути мировоззренческого и нравственного *взросления*, точно так же нет иного достойного пути ни у человечества в целом, ни у нашего народа в частности.

ТОЛЬКО ЛИШЬ СТРЕМЛЕНИЕ К МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМУ И НРАВСТВЕННОМУ *ВЗРОСЛЕНИЮ* – КОГДА ОНО НАЧНЁТ ОВЛАДЕВАТЬ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ – СУМЕЕТ ПРЕВРАТИТЬ НЫНЕШНИЙ ДЕПРЕССИВНЫЙ “ЭЛЕКТОРАТ ЭРЭФИИ” В ЖИЗНЕСПОСОБНЫЙ И ПРОЦВЕТАЮЩИЙ “НАРОД РОССИИ”.

А МЫ ТАКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ДОЛЖНЫ ПРОБУЖДАТЬ, ЛЕЛЕЯТЬ И ВЗРАЩИВАТЬ.

Контрольные вопросы

1. В чём суть и причины кризиса традиционных идеалов?
2. Почему общественное отношение к нравственным устоям подвержено колебаниям: от безоговорочного признания до столь же безоговорочного отвержения?
3. Достижения и проблемы современных конфессий.
4. Почему наука не переняла у церкви эстафету “духовно-нравственного водительства”?
5. Общественный нигилизм как внутренняя угроза безопасности России.
6. Двойные стандарты – орудие разрушения духовных основ общества.
7. Должны ли наука, политика и экономика быть нравственными?
8. Чем грозит противопоставление друг другу понятий «вера» и «знание»?
9. Право человека и общества на нравственность.
10. В чём выражается научное невежество?
11. Угрозы для общества со стороны идеологии поклонения «золотому тельцу», «набивания собственных карманов любой ценой».
12. Неизбежность смены мировоззренческой парадигмы.
13. Идеология нравственности как основа общественной безопасности.
14. Социальные технологии на основе принципа нравственности.
15. Сверхвласть нравственности.
16. Чем вреден выбор по принципу “или-или”?

Литература для самостоятельной работы

Агафонов С.Ю., Горюнков С.В., Матвейчук Е.Ф., Чигирев В.А., Юнацкевич П.И. Глобальное управление и нравственный принцип / Юнацкевич П.И. Серия книг: Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых / Под редакцией В.А. Чигирева. – СПб.: «Институт нравственности», 2006. – 1,2 п.л.

Агафонов С.Ю., Горюнков С.В., Чигирев В.А., Юнацкевич П.И. Демократия умерла? Да здравствует демократия / Серия книг: Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых. – СПб.: «Институт нравственности», 2005. – 2 п.л..

Чигирев В.А. Идеология нравственности. Нравственный путь безнравственной цивилизации. – СПб., 2005.

Чигирев В.А. Нравственный путь безнравственной цивилизации. – СПб.: «Институт нравственности», 2006.

Юнацкевич П.И. Концепция нравственного возрождения России / Под ред. В.А. Чигирева / Серия книг: Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых. – СПб.: ГНУ «ИОВ РАО», 2006. – 3,8 п.л.

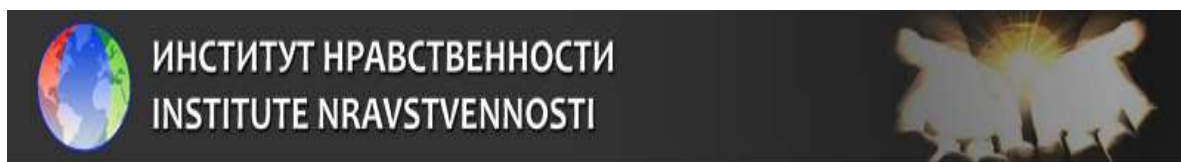
Юнацкевич П.И. Нравственный кодекс / Серия книг: Теория и методика профессионального образования и воспитания взрослых.. – СПб.: «Институт нравственности», 2006. – 1 п.л.

Институт нравственности <http://in.ast.social>

Академия экосоциальных технологий <http://ast.social>

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ИДЕАЛОВ	3
2. ИСТОКИ КРИЗИСА.....	4
3. «Я» И МОДЕЛИ МИРА.....	5
4. «ЗАПОВЕДНИК» ДЛЯ ДУХА.....	7
5. НРАВСТВЕННОСТЬ ПО-СОВЕТСКИ.....	9
6. УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЁ РАЗ УЧИТЬСЯ.....	10
7. ВСЯ ЛИ НАУКА – НАУЧНА?.....	11
8. «КАПКАН» ДЛЯ ДУХА.....	13
9. МЕЖДУ «КАПКАНОМ» И «ЗАПОВЕДНИКОМ».....	16
10. В ПОИСКАХ ВЫХОДА.....	17
11. К НОВОМУ СИНТЕЗУ.....	19
12. ЧТО МЕШАЕТ.....	21
13. МАЛЕНЬКИЙ ЛИКБЕЗ.....	23
14. НРАВСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП.....	25
15. СВЕРХВЛАСТЬ НРАВСТВЕННОСТИ.....	26
16. ПРОГРАММА-МИНИМУМ.....	30
Контрольные вопросы.....	36
Литература для самостоятельной работы.....	36

При любых разногласиях все общественные силы страны должны действовать по простому, но жизненно важному принципу: ничего в ущерб России и ее гражданам, все для блага России, для ее национальных интересов, для благополучия и безопасности каждого гражданина России.

Безнравственность российским обществом обсуждалась, недостойное поведение всегда публично порицалось.

Владимир Владимирович Путин

Возможности использования светской этики в идеологическом обеспечении государственного строительства, местного самоуправления, корпоративного развития, безопасности и обороны исследовались в рамках военной научной школы СССР.

С 1992 года работы продолжались в НИЛ №4 Военной инженерно-космической академии имени А.Ф. Можайского. *Руководители работ: Чигирев Виктор Анатольевич, Юнацкевич Петр Иванович.*

В основу Проекта "Институт нравственности" Чигирев В.А. и Юнацкевич П.И. положили **глобальный экологический принцип** (ГЭП - *непричинение вреда человеку, обществу, природе*) и *дискурсивную логику*, отражающую ризомный характер социальных, экономических, правовых, политических и военных процессов.

Идеология нравственности основана на свободном принятии любым человеком основного нравственного правила: *не вреди (не наноси урон, ущерб) себе, другим людям, обществу, государству и природе*. Технологическое обеспечение реализации идеологии нравственности строится на *использовании дискурсивных процессов*.

В 2009 года идеология нравственности была принята на формальном уровне и отражена в ряде межгосударственных документов, принятых решениями Совета глав правительств государств-участников СНГ.

С 2010 года **Институт нравственности** является центром технологического обеспечения реализации идеологии нравственности, направленной на формирования открытого глобального гражданского общества, состоящего из нравственных граждан.

Контактный адрес: ni7571908@gmail.com